

Предчувствие любви

Культура. — 1999. — с. 7
29 июля — 4 авг.

Переславль

казачки Ирины Баклановой

Вот уже семь лет как, приехав в Москву, Ирина Бакланова месяцами живет в Переславле. Пишет его утром, днем, вечером, ночью. Не уходя с улицы, пока не закончит холст. Никогда не пишет этюдов — разом выдает картину.

Характер у Иры «баклановский». Отец из донских казаков, узнав, что дочь «собралась в художники», кричал: «Шашку со стены — голову с плеч!» Пришлось бежать из Донецка за тридевять земель — в Красноярск. И только узнав, что Ирина — студентка Красноярского художественного училища имени сибирского казака Василия Сурикова, отец простил непутевую.

Я встретил ее в магическом — тринадцатом зале ЦДХ, стены которого были увешаны «Переславлями». И хотя эти картины действительно являлись знакомым мне город, то был Переславль Ирины Баклановой — столь неожиданный, живописный и одухотворенный, что я спросил у художницы:

— Скажите, как вы увидели его таким?

— Вышла замуж, приехала в Москву, объехала всю ближнюю провинцию. А когда увидела Переславль, почувдилось, будто он поехал на человека, с которым самым необыкновенным образом свела меня судьба. И, кажется, только теперь и поняла, что без настоящей любви ни жить, ни творить просто невозможно. Я вообще жила в предчувствии любви. В те годы душой владел художник и педагог Николай Рыбаков, который преподавал в учи-

лище композицию и рисунок.

И так как Рыбаков был графиком, графиком стала и Ира, не подзревая, что на самом деле она — прирожденный живописец. Но тогда ей снились черно-белые сны.

— Мне нравились отношения черного с белым. Эти цвета так ясно выражали строгую суть моей платонической любви. И так продолжалось до тех пор, пока я не села в поезд Красноярск — Владивосток, чтобы приехать в... Иркутск.

Во Владивостоке у своих родных ее ждала подруга, с которой они решили делать «морской» диплом — серию графических работ из жизни моря, кораблей и рыбаков. Но садилась ночью, перепутала поезд, полуспящая проводница впустила, место в купе оказалось свободно... То был всеобщий заговор. Поезд шел и прибыл в Иркутск. И, проведя ночь в слезах на вокзале, утром Ира очнулась с ощущением неожиданной радости. Все еще не понимая, что происходит, она увидела в окне киоска большую карту Байкала, взгляделась в нее и в тот же день села на теплоход, идущий на остров Ольхон.

Свой, теперь уже «байкальский», диплом она писала в общаге рыбзавода, живя среди отчаянных рыбаков: выходила на шхунах в озеро, работала и рисовала в консервных цехах, а вечерами, бывало, и выпивала с бабами, и орала с ними песни.

— Незаметно прожила все деньги. Дала телеграмму отцу в

Донецк, чтобы выслал на обратную дорогу. Сижу, жду. И тут появляется...

— Принц?

— Какой принц! Дядька сорокалетний, бородатый, семейный. Инженер-электронщик. Приехал с другом. Увидел меня на берегу, сел рядом, помолчал и вдруг предложил: «Пойдемте с нами в поход на Ольхон Северный?» С тех пор вот уже семнадцать лет я с ним в «походе». Но из этих семнадцати десяти лет ждала, когда дети его станут взрослыми, и мы сможем пожениться.

...С тех пор Ирина Бакланова ушла из графиков в живописцы. И на ее картинах засияли, засветились теплые старинные городки России. Но главным живописным образом стал Переславль — город любви.

Зимой он у Иры студен и сказочен, как Берендеево царство. И даже голые деревья, одетые в розовый иней, стоят посреди домов и храмов, как рождественские свечи. А весной в ее Переславле случаются по десять весен. И кажется, что этот весенний, набухающий, переливающийся, текущий куда-то город, его дома и соборы, живущие среди природы, сродни цветам и деревьям, они тоже живые и тоже растут и цветут.

— Некоторые зрители, увидев то или иное «местечко», написанное мной, — рассказывает Ирина, — пытаются, приехав в Переславль, отыскать его, побывать в нем. И удивляются, что не могут найти. А ведь тут нет никаких за-

гадок. Я всегда пишу с натуры, но не то, что вижу, а то, что чувствую. Каждая моя картина — это действительно мои «места», но не придуманные, а открытые мне.

На улицах ее городков, наполненных светом и цветом, зеленью и шелестом деревьев, музыкой уходящих в небо и как бы поющих храмов, я ни разу не видел людей. И только ее дома как люди: глядят в нас тихо горящими в сумерках глазами окон.

— Там люди живут, — объясняет Ирина. — И пусть они там живут, они хорошие, замечательные. А вот если я выпущу их в пространство своих картин, они могут нарушить эту среду.

Кажется, я понимаю художницу. Однако странное дело: человек в ее картинах незрим, но присутствие его всюду ощущается. Люди Ирины Баклановой находятся не внутри ее холстов, а перед ними. Художница ставит человека перед своей картиной. И вот я стою перед ее букетами цветов, написанными по тому же принципу, что и «места»: этих букетов никогда не было — но они существуют. И живут возле сердца.

— Борис каждый день приносит мне цветы. Впрочем, бедный электронщик приносит один цветок. Скажем, дарит мне зеленую хризантему, и я падаю в обморок. А очнувшись, пишу «Зеленые хризантемы», чтобы они никогда не вяли. Это наша осенняя любовь. Или одну розочку. И я пишу «Розы» — о нашей летней любви... Так вот и живем.

Леонид ЛЕРНЕР